

УДК 070

*Г.И. Щербакова**

ЖУРНАЛЬНАЯ БОРЬБА 1870-Х ГОДОВ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЦЕННОСТНОГО КОЛЛАПСА РУССКОГО ОБЩЕСТВА

В статье исследуется журнальная полемика 1870-х гг., посвященная состоянию современной литературы и журналистики, реструктуризации системы духовных и эстетических ценностей в пореформенной России, повышению идейной борьбы между изданиями, обострению конкуренции между ними, расширению круга обсуждаемых вопросов: от путей развития России до этических норм журналистского труда.

Ключевые слова: духовный кризис, коллапс, обострение социальных противоречий, рост социальной нетерпимости.

«Все смешалось в доме Облонских» – так начинается роман Л. Толстого, вышедший в свет в 1875 г, и эти же слова можно отнести к обстановке в России на всем протяжении 1870-х гг. Разброд и хаос 1870-х гг. разительно отличался от казарменного порядка при Николае I и «весны надежд» 1860-х гг.

В 1870-е годы наступило отрезвление, после реформ не осталось ни одной не поверженной моральной и эстетической ценности. Прежние кумиры в поэзии, литературе, музыке и живописи стали казаться пережитками, не нужными современности. Наступило, казалось, господство хаоса, а вся система духовных ценностей рухнула. Общее моральное состояние русского общества той поры выражали горькие слова пьяненького чиновника Мармеладова из романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание»: «Знаете ли, милостивый государь, что такое, когда идти некуда?» Вся страна как будто впала в моральный коллапс и не знала, куда идти.

Все страсти и страдания того времени находили выражение в литературе и журналистике. Повылся спрос на периодическую печать, расширился спектр изданий по тематике, аудитории, объему, оформлению, быстро стала развиваться региональная печать [1]. Однако рост востребованности прессы сопровождался журнальными войнами – острой борьбой изданий между собой. Еженедельный обзор прессы стал обязательной рубрикой в газетах и журналах, претендующих на серьезное общественное значение. Появление журнальной критики свидетельствовало о становлении журналистики как вида профессиональной деятельности, о потребности в профессиональной рефлексии, об обострении конкурентной борьбы между изданиями. Однако экспрессивный накал критики и «антикритики» показывал болезненное психоэмоциональное состояние общества. В суждениях о современных изданиях, как правило, царил дух непримиримости. Обсуждение общественных или профессиональных проблем часто переходило на личности, бесцеремонно вторгалось в личную жизнь собеседов по цеху, о чем свидетельствует хотя бы безжалостное поведение газетчиков по отношению к драме А.С. Суворина, чья жена была застрелена поклонником. Издатель «Нового времени» на месте трагедии нашел толпу любопытствующих репортеров из соперничающих изданий; тяжелое впечатление он описал в Дневнике [2, с. 73].

* © Щербакова Г.И., 2017

Щербакова Галина Ивановна (sherb505@tlt.su.ru), кафедра журналистики, Тольяттинский государственный университет, 445011, Российская Федерация, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

В обсуждении событий настоящего дня, по сути, решалось будущее русской журналистики. В нем приняли участие все крупные издания, ставящие перед собой не просто коммерческие цели, но еще и организацию общественного мнения. Основная полемика шла между консервативными и либерально-демократическими изданиями, а если экстраполировать идейные показатели на географическую привязку, то получим символическое противостояние между Петербургом и Москвой. За древней столицей закрепился образ хранительницы национальной самобытности, чему содействовали издания И.С. Аксакова. Вторым краеугольным камнем московской журналистики был «Русский вестник» М.Н. Каткова, поднявший знамя русской государственности, защиты национальных интересов и традиций. На противоположной стороне от москвичей оказалась вся петербургская пресса, невзирая на ее идеологическое различие, за исключением «Гражданина» В.П. Мещерского.

Для самих же петербуржцев все выглядело не так просто: у каждого из изданий были свои постоянные и временные союзники и скорее постоянные, нежели временные, противники. Например, «Отечественные записки» неоднократно иронизировали по поводу образа действий или заявлений «Санкт-Петербургских ведомостей» под редакцией В. Корша, выступали и против публикаций «Вестника Европы», однако солидаризировались с последними относительно неприятия «Гражданина» и «Русского вестника». Процессы солидаризации наблюдались скорее **против** идейных противников, нежели **для создания союза** идейных единомышленников или устойчивых групп влияния.

Тяжелее всего в 1870-е гг. было консервативным изданиям: их было меньше по числу, их пока еще не поддерживало правительство. Они шли вразрез с общественным настроением, где задавали тон сторонники либеральных идей. Консервативные издания получили в тот период не одну насмешливую характеристику от сатириков демократической ориентации. Самыми постоянными участниками газетно-журнальной полемики были В.П. Мещерский («Гражданин») и В.Г. Авсеенко («Русский вестник»). Оба были государственными служащими, обладали разносторонними дарованиями: писали беллетристику, литературно-критические и публицистические статьи, имели полемический задор, были горячими спорщиками и убежденными консерваторами.

В.Г. Авсеенко имел договор о сотрудничестве с М.Н. Катковым, но не был постоянным и штатным сотрудником издания. Более щекотливое положение было у Мещерского, который, будучи государственным служащим, не имел права быть редактором или директором периодического издания. Однако Мещерский настолько хотел восстановить баланс идейных сил, в котором консервативные воззрения терпели тогда явное поражение, что презрел этот запрет, учредив на собственные деньги (частично взятые в долг под проценты) журнал-газету «Гражданин», для редакторства в котором приглашал различных литераторов: А. Градовского, Ф. Достоевского, В. Пущыковича, пока в 1880-е гг. не вышел в отставку и не стал официальным редактором газеты, где изначально был корреспондентом, публицистом, критиком, беллетристом, полемистом — словом, испытал себя во всех журналистских специализациях.

В.Г. Авсеенко по характеру не был столь темпераментным и вспыльчивым, на нем не лежала рутинная редакционная работа, он много сил отдавал литературному труду: в 1871—1875 гг. публиковал критические статьи в газете «Русский мир», с 1873 г. стал сотрудничать с «Русским вестником», писал также антинигилистические романы для «Гражданина», «Зари», «Кругозора», «Нивы» и др., закончил свою карьеру редактированием «Санкт-Петербургских ведомостей». Авсеенко регулярно печатался в «Русском вестнике» как литературный и журнальный критик, реже — как беллетрист. Он получил университетское филологическое образование, что проявилось в системе эстети-

ческих и литературно-общественных взглядов. Наблюдение за его литературно-критическими высказываниями в 1870-е гг. показывает его как человека со сложившимися убеждениями, сильного полемиста с цепким умом, умеющим обнаруживать противоречия в высказываниях своих оппонентов. Ведущей темой его критических статей было состояние современной литературы и журналистики, а предметом постоянного внимания – публикации в петербургской прессе, ее нравы, отношения между изданиями, их экономические пружины.

Авсеенко не хотел замечать различий в направлении петербургских изданий, он подчеркивал их общие черты, порой злорадствуя над разногласиями. Доминантой, определявшей сущность петербургской журналистики, была ее родовая связь с журналистикой и идеологией 1860-х гг. Преемственность между ними проявлялась в системном разрушении нравственных и эстетических идеалов, профессиональных норм. Главный упрек в адрес петербургской журналистики как типологического явления заключался в том, что она беспринципна и грубо материальна, т. е. пренебрегает идеальным и возвышенным. Обвиняя петербургскую журналистику в стремлении привлечь внимание публики любой ценой, Авсеенко приводит пример из текущей практики: «Повесть моя “Марина из Алого рога” подала повод к следующей проделке – фельетонист петербургской академической газеты г. Буренин объявил *печатно*, что она заимствована мною из старинной повести О. Сомова, напечатанной в 1833 году в альманахе. В доказательство этого г. Буренин излагал параллельно содержание обеих повестей, указал на ближайшее сходство между действующими лицами, наконец, в выносных скобках приводил места из обоих произведений, каковые представляли собой поразительную тождественность» [3, с. 391]. Далее Авсеенко сообщает читателю: «Фельетонист газеты академии наук не остановился перед прямым подлогом: внесенные им в кавычки места измышлены самим фельетонистом, и ничего подобного в повести О. Сомова нет» [3, с. 391]. Автор отмечает, что в ответ на его первое публичное обвинение во лжи Буренин нисколько не смутился, признал, что он все придумал, и даже пообещал, что и в дальнейшем будет прибегать к таким приемам, поскольку считает их просто шуткой. Приводя этот пример повреждения профессиональных нравов, Авсеенко с признательностью упоминает некоторые издания (например, «Гражданин»), которые осудили манипуляцию писательскими авторитетами и читательским вниманием.

В. Авсеенко обращает внимание, что петербургской журналистике свойственно отсутствие четкости понятий, неточность терминов, поверхностность суждений. Например, в статье «Нужна ли нам литература?» он отмечает, что «понятия, которыми питается и руководствуется наша современная журналистика, настолько спутаны и полны противоречий, что самые элементарные вопросы, как, например, нужна ли нам литература в смысле высокого духовного творчества? – не могут назваться решенными. Путаница понятий доходит до того, что самое слово “литература” утратило определенное значение, и каждый толкует его сообразно умственному уровню, на котором стоит, и направлению литературного прихода, к которому принадлежит» (Русский вестник. Далее – РВ. 1873. № 5). Сам же Авсеенко толкует литературу как всю сферу словесного творчества, поэтому предъявляет журналистике требования, больше подходящие высокому искусству. Он солидарен с О. Бальзаком, что современная журналистика старается быть на уровне требований своих читателей и в ней мало авторов, способных вести общество вперед. Критик «Русского вестника» тоже сожалеет, что интеллектуальный и культурный уровень авторов современной прессы за редким исключением одинаков с уровнем читателей, поэтому высокую миссию духовного просвещения журналистика не может выполнить, оставаясь в кругу мелких проблем, надуманных сенсаций, жалких сплетен и лжи. Он настойчиво, из года в год

проводит идею об опасности как для культуры, так и страны в целом снижения эстетического, идейного и философского уровня современной художественной и публицистической литературы. В статье «Литературные эфемериды» (РВ. 1875. № 9) об очерках А. Суворина он отмечает, кроме мелкотемья и приземленности проблематики, следы негативного влияния буржуазного уклада на литературу: «Банкирская контора как представительница общественных идеалов и возвышенных принципов гражданской деятельности! Куда же еще идти?!»

Стремление представителей петербургской журналистики разрушить прежние эстетические и нравственные идеалы оборачивается не просто снижением художественного уровня в литературе, но и проникновением в жизнь и, как следствие, на страницы литературных произведений и журнальных статей нигилистов новой формации, ставших прагматичнее и корыстнее своих предшественников, которые, будучи нигилистами, оставались идеалистами и готовы были страдать за убеждения. Новое же поколение нигилистов научилось обращать в свою пользу отрицание духовности и превратилось в спекулянтов и мошенников, для которых главный идол — богатство и материальное благополучие за счет других. Эта тема развита в статье «Практический нигилизм» (РВ. 1873. № 9), посвященной разбору произведений А. Писемского. Нигилизм стал удобной маской, прикрывающей вседозволенность, жадность и эгоизм, для тех, кто вырастает на расчищенной от идеалов почве буржуазной действительности. Наследники нигилистов-идеалистов научились жонглировать словами и понятиями для собственной выгоды, менять социальные маски в зависимости от текущего момента. Общая ситуация идейного коллапса и размытых моральных ценностей им только «на руку». Таким образом, В. Авсеенко устанавливает логическую связь между нигилистической риторикой и буржуазным хищничеством, которое восприняло освобождение от идеалов и моральных норм как «праздник себялюбия».

Библиографический список

1. Сони́на Е.С. Петербург газетный, 1711–1917: сборник. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2009. 290 с.
2. Дневник А.С. Суворина. L.: The Garnet Press; M.: Независимая газета, 2000. 670 с.
3. А(всеенко) В.Г. Несколько слов в объяснение, Нужна ли нам литература // Русский вестник. 1873. № 5. С. 390–422.

References

1. Sonina E.S. *Peterburg gazetnyi, 1711-1917: (sbornik)* [Petersburg of newspapers, 1711-1917: (collection)]. Tyumen: Izd-vo Iu. Mandriki, 2009, 290 p. [in Russian].
2. *Dnevnik A.S. Suvorina* [The diary of A. Suvorin]. London: The Garnet Press; M.: Izd-vo Nezavisimaia gazeta, 2000, 670 p. [in Russian].
3. A(vseenko) V.G. *Neskol'ko slov v ob»iasnenie, Nuzhna li nam literatura* [A few words in explanation, Do we need literature]. *Russkii vestnik* [Russian Herald], 1873, no. 5, pp. 390–422 [in Russian].

G.I. Shcherbakova*

**MEDIA'S STRUGGLE IN THE 1870-IES AS A MANIFESTATION
OF THE COLLAPSE OF VALUE OF RUSSIAN SOCIETY**

The article investigates the journal polemics of the 1870-ies on the state of modern literature and journalism, on restructuring the system of spiritual and aesthetic values in post-reform Russia, on the rise of ideological struggle between the media, competition between them, an expansion of discussion: from the ways of development of Russia up to ethical standards of journalistic work.

Key words: spiritual crisis, collapse, aggravation of social contradictions, growth of social intolerance.

Статья поступила в редакцию 15/XI/2016.
The article received 15/XI/2016.

* *Shcherbakova Galina Ivanovna* (sherb505@tltsu.ru), Department of Journalism, Togliatti State University, 14, Belorusskaya St., Togliatti, 445020, Russian Federation.